

ФОРМИРОВАНИЕ РАННЕЭНЕОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР ТЮМЕНСКОГО ПРИТОБОЛЬЯ (к постановке проблемы)

Е. Н. Волков

Статья посвящена проблеме становления раннеэнеолитических культур Тюменского Притоболья, представленных лыбаевскими и шапкульскими древностями. Из анализа орнаментального стандарта этих культур следует, что их формирование, вероятно, связано с развитием неолитических декоративных традиций, основанных на технике короткого гребенчатого штампа. Для решения данного вопроса автор рассматривает ситуацию, сложившуюся в регионе в эпоху неолита. Особенно подробно разбирается «сосновоостровская» проблематика, в результате чего удастся разделить массив гребенчатых памятников Среднего Зауралья на две самостоятельные культурные группы, условно названные «сосновоостровской» и «дуванской». Широкое использование в орнаментальном стандарте «дуванских» серий техники короткого гребенчатого штампа, а также специфика прочих культурных характеристик позволили предложить гипотезу о формировании шапкульских и раннелыбаевских древностей на базе рассматриваемых памятников.

Эпоха энеолита является одним из наиболее интересных и в то же время наименее изученных периодов древнейшей истории Притоболья и всего Большого Зауральского региона. Несмотря на несомненные успехи в изучении энеолитических древностей (см., например: [Шорин, 1999; Чаиркина, 2005; Зах, 2006; и др.]), с рассматриваемым периодом связано значительное число проблем, не нашедших приемлемого решения. Один из узловых вопросов — формирование раннеэнеолитических культурных образований.

Среди основных культур, характеризующих эпоху меднокаменного века Тюменского Притоболья, исследователями до последнего времени выделялись шапкульские [Старков, 1980], липчинские и андреевские древности (см., например: [Ковалева, 1995]). Новейшие археологические исследования позволяют реконструировать гораздо более сложную и мозаичную картину, иллюстрирующую неоднородность историко-культурных процессов, происходивших в различных ландшафтных зонах Притоболья. Изучение юго-лесных энеолитических комплексов позволило В. А. Заху прийти к выводу о функционировании здесь памятников, оставленных носителями шапкульской, андреевской и байрынской¹ культур [2006]. Здесь же существовали и немногочисленные поселения липчинской культуры²: Велижаны 1 [Асташкин и др., 1995], Мысовской комплекс [Волков, 2006] и др. На территории северной лесостепи развивались памятники лыбаевской и андреевской культур [Волков, 2005, 2006].

В рамках общей характеристики энеолита нельзя не отметить своеобразие отдельных провинций Большого Урало-Зауральского региона, где, помимо выделенных культур, функционировали липчинские, шувакишские и аятские древности (Средний Урал и горно-лесное Зауралье) (см., например: [Шорин, 1999; Чаиркина, 1997]), памятники суртандинской культуры (Южный Урал и Южное Зауралье) [Матюшин, 1982] и терсекские комплексы (Казахстанское Притоболье) [Калиева, Логвин, 1997]. Рассматриваемые образования, в комплексе с памятниками Тюменского Притоболья, исключая андреевскую линию развития, обнаруживают несомненную культур-

¹ Впервые термин «байрынская культура» введен М. Ф. Косаревым [1981] по материалам памятников Нижнетавдинского района Тюменской области. В их керамическом комплексе преобладала посуда, декорированная в гребенчато-ямочной технике. Судя по немногочисленным иллюстрациям, основным видом орнамента выступал короткий гребенчатый штамп. В. А. Зах, заимствовав термин «байрынская культура», существенно расширил его содержание и рассматривает памятники последней как многокомпонентное образование, включающее керамические комплексы, декорированные в стиле короткого и длинного гребенчатого штампа, а также в отступающе-накольчатой технике. Непременным атрибутом байрынского декоративного стандарта, однако, выступает ямочная техника нанесения орнамента, опускающаяся на тулово гончарных изделий [Зах, 2006].

² Повторное обращение к археологическим коллекциям 1960–1980-х гг. зачастую заставляет отказаться от их липчинской культурной атрибуции, так как собственно липчинская керамика составляет в них весьма незначительный процент. Основным комплекс отступающе-накольчатой посуды по своим технико-декоративным характеристикам гораздо логичнее сопоставлять с лыбаевским либо байрынским (по В. А. Заху) орнаментальным стандартом. Яркой иллюстрацией высказанного тезиса являются материалы новых раскопок поселения Ипкуль 1 [Волков, Белослудцев, 2005].

ную близость, что позволило выдвинуть тезис о существовании особой историко-культурной области (общности) энеолитических культур [Чаиркина, 1997; Калиева, 2001; Шорин, 1993, 1999]³. Несомненная близость декоративного стандарта энеолитических культур, существовавших в различных территориальных и ландшафтных зонах Зауралья, вероятно, свидетельствует о значительном сходстве историко-культурных процессов, приведших на рубеже позднего неолита — раннего энеолита к формированию серии родственных культур. Мы планируем рассмотреть отдельные особенности процесса становления раннеэнеолитических культур в Тюменском Притоболье, тем более что имеющиеся материалы позволяют предполагать яркие, отличительные черты в становлении последних в границах отдельных ландшафтных провинций региона.

Из материалов последних лет следует, что в эпоху раннего энеолита в различных ландшафтных зонах Тюменского Притоболья историко-культурная ситуация не отличалась единообразием. В северной лесостепи функционировали памятники раннего (бузанского) этапа лыбаевской культуры, к которым отнесены материалы грунтового могильника Бузан 3 [Матвеев и др., 1997; Матвеев, Волков, 1999], поселений Липихинское 5 [Волков, Чикунова, 2006], Сазык 9 [Усачева, 2002] и др. Подчеркнем, что лыбаевская культура является сложносоставным образованием, в орнаментальном комплексе которого сосуществовали три основных технических приема нанесения орнаментальных композиций: «короткогребенчатый», «длинногребенчатый» и «отступающе-накольчатый» [Волков, 2005, 2006]. Обращаясь к материалам бузанского этапа развития лыбаевских древностей, напомним, что ведущей техникой орнаментации керамики является короткий гребенчатый штамп, при помощи которого декорировалось до 75 % сосудов [Там же]. Гораздо менее репрезентативна посуда, украшенная в стиле «отступления» — не более 20 % и длинного узкого гребенчатого штампа — до 19 % [Волков, 2005, 2006; Волков, Чикунова, 2006]. Раннеэнеолитический возраст памятников бузанского этапа диагностируется на основании радиоуглеродных датировок, особенностей каменной индустрии и ее сырьевой базы, специфики системы жизнеобеспечения, а также элементов домостроительной традиции⁴.

Несколько иная ситуация сложилась в юго-лесных районах Тюменского Притоболья. Как показывают материалы, наиболее ранним этапом на хроностратиграфической шкале региона является шапкульская культура⁵. В целом шапкульские древности можно охарактеризовать как гомогенное в орнаментальном отношении культурное образование. Ведущая роль в декоративном стандарте отводилась технике короткого гребенчатого штампа, в том числе композициям, выполненным в стиле отступления коротким гребенчатым штампом [Старков, 1980]. Однако не следует забывать, что небольшая серия керамики поселений Шапкуль 1 и Малый Барашек 1 орнаментировалась в отступающе-накольчатой технике. Обращаясь к данной группе посуды, В. Ф. Старков оговаривает, что она не является липчинской [Там же]. Не противоречат тезису о раннеэнеолитическом возрасте шапкульских древностей данные радиоуглеродного датирования [Зах, 2002], специфика каменной индустрии⁶ и домостроительная традиция⁷.

Таким образом, имеющиеся материалы позволяют говорить, что к последней четверти IV тыс. до н. э. на территории Тюменского Притоболья сложились две родственные археологические культуры — лыбаевская в северолесостепных районах и шапкульская на пространствах подтайги и южной тайги [Матвеева и др., 2005; Волков, 2006]. Основным индикатором родственности данных образований следует считать преобладание однотипных, подчас тождественных композиций на керамике, выполненных в стиле короткого гребенчатого штампа⁸. Полагаем, что исхо-

³ В данном контексте несколько отличной выглядит точка зрения А. Ф. Шорина, который выделил область лесных гребенчатых энеолитических культур, включающую помимо уральских и зауральских материалов памятники Предуральяского региона и Поволжья [1993, 1999].

⁴ Подробнее см. [Волков, 2005, 2006; Волков, Чикунова, 2006].

⁵ В данном случае мы не говорим о памятниках андреевской культуры, четкое хронологическое положение которых в системе энеолитических древностей региона остается не до конца обоснованным. Ряд исследователей допускают возможность раннеэнеолитического положения отдельных памятников андреевской культуры (см., например: [Зах, Фомина, 1999]), однако, на наш взгляд, пока не приведено убедительных свидетельств в пользу этого.

⁶ Имеются в виду преобладание изделий из качественных пород яшмы, кремня и кремнистых сланцев, значительный процент изделий на пластинах, наличие наконечников стрел кельтеминарского типа и др. (см., например: [Старков, 1980]).

⁷ Фиксация значительных по площади, хорошо углубленных жилищ (Шапкуль 1, Малый Барашек 1) [Старков, 1980], что сближает домостроительную традицию шапкульского населения со стереотипами носителей культур эпохи неолита и др. Подробнее см. [Волков, 2006].

⁸ Подробнее о сходстве и различиях лыбаевского и шапкульского орнаментальных стандартов см. [Волков, 2002, 2005, 2006].

Формирование раннеэнеолитических культур Тюменского Притоболья (к постановке проблемы)

дя из последнего факта и следует искать генетических предшественников данных линий культурного развития.

Обращаясь к материалам неолитического периода в Среднем Зауралье, отметим, что в данный хронологический отрезок здесь проживали носители нескольких археологических культур, использовавшие различные декоративно-технические приемы орнаментации гончарных изделий. Так, «прочерченно-отступающе-накольчатая» манера орнаментации в основном характерна для декоративных традиций козловской, боборыкинской и кошкинской культур (см., например: [Ковалева, 1989]). Исходя из последнего обстоятельства, вряд ли логично искать генетические истоки «короткогребенчатой» манеры нанесения декора лыбаевских и шапкульских древностей в материалах рассматриваемых памятников.

Элементы орнамента и целостные композиции, выполненные в гребенчатой манере, характерны для так называемой раннеполуденской традиции, выделяемой И. В. Усачевой по материалам памятников Андреевского озера [2001]. В то же время специфика стандарта рассматриваемой серии не может быть сколько-нибудь убедительно сопоставлена с «короткогребенчатым» стереотипом эпохи раннего энеолита. Ориентируясь на данные И. В. Усачевой, можно прийти к выводу, что основными мотивами «раннеполуденской» серии являются горизонтальные ряды «шагающей гребенки», поверх которых обычно наносился зигзаг, либо волнистая линия, выполненная в технике прочерчивания [Там же. С. 121, 122]. Действуя методом исключения, можно отказаться еще от одного возможного генетического предшественника лыбаевских и шапкульских древностей.

В значительной степени гребенчатая техника нанесения декора характерна и для полуденской культуры (см., например: [Ковалева, 1989]). Однако одними из наиболее распространенных технических приемов, фиксируемыми на полуденской керамике, являются: прочерчивание гребенчатым штампом и «шагающая гребенка», в равной степени слабохарактерные для «короткогребенчатого» энеолитического стандарта. Следовательно, логичным представляется исключить и рассматриваемую декоративную традицию из возможных предшественников лыбаевской и шапкульской культур.

Таким образом, среди известных к настоящему времени неолитических культур Среднего Зауралья остаются нерассмотренными лишь так называемые сосновоостровские древности. Среди научного сообщества не существует устоявшейся точки зрения на рассматриваемый феномен. Характеризуя ситуацию в целом, заметим, что часть исследователей вообще отрицают существование сосновоостровской культуры, по крайней мере на протяжении эпохи неолита. Так, В. Т. Ковалевой сосновоостровские древности включались в состав полуденской культуры и рассматривались в качестве ее позднего этапа [1989]. В то же время рядом исследователей допускается возможность удревнения сосновоостровских материалов вплоть до раннеэнеолитического времени. В частности, В. А. Зах, оперируя фактами неоднократного совместного залегания боборыкинской и гребенчатой керамики, приходит к выводу о достаточно раннем возрасте рассматриваемой орнаментальной традиции [Зах, 1995; Зах, Матвеева, 1997].

Имеющиеся материалы, на наш взгляд, не позволяют сомневаться в неолитическом возрасте памятников типа Сосновый Остров, Дуванское 5, Гилево 8 и др. Об их неолитической атрибуции однозначно свидетельствуют немногочисленные пока данные радиоуглеродного анализа [Стефанов, 1991], особенности каменной индустрии поселения Гилево 8 [Дрябина, Пархимович, 1991], специфика домостроительной традиции, отличной от энеолитических стереотипов, данные относительной хронологии, маркирующие совместное нахождение гребенчатой керамики с материалами кошкинской и боборыкинской культур и др. В то же время, оперируя имеющимися данными, исследователи вправе допускать весьма широкий период бытования сосновоостровских древностей в рамках неолитического периода, с VII–VI по конец IV тыс. до н. э.

Ясность в разработку проблемы могут внести факты, на которые до сих пор не обращалось должного внимания. Несмотря на явную недостаточность опубликованных материалов, объединяемых исследователями в «сосновоостровскую проблему», известные памятники могут быть разделены на две самостоятельные группы. К первой из них логично отнести материалы поселений Сосновый Остров, Гилево 8 и ряда других объектов⁹. Стандартная оценка данных керамических комплексов традиционно рассматривается на основании немногочисленных сосудов, опубликованных в широко известных работах [Викторова, 1968; Ковалева, Зырянова, 2001. С. 52, рис. 5; Дрябина, Пархимович, 1991. С. 104, рис. 3, 1–6]. Особенности серии опреде-

⁹ К сожалению, ни в одной из работ, посвященной публикации материалов «сосновоостровских» памятников, не привлекается статистика, отражающая орнаментальные особенности рассматриваемых серий. Тем не менее прорисовки опубликованных сосудов иллюстрируют однородность керамических серий в рамках исследуемых комплексов.

ляются высоким процентом композиций, выполненных в стиле «шагающей гребенки», фиксируемой на большинстве известных сосудов. Вторая орнаментальная доминанта рассматриваемых объектов определяется широким использованием элементов и композиций, выполненных в стиле длинного, узкого гребенчатого штампа. Как правило, декоративные каноны не отличаются сложностью и в основном представлены прямыми и наклонными линиями. Более сложные элементы — зигзаги, ромбы и др. фиксируются не так часто. Отпечатки короткого гребенчатого штампа, в том числе «жучкового», как правило, представлены лишь в зоне венчика (см., например: [Ковалева, Зырянова, 2001. С. 52, рис. 5; Дрябина, Пархимович, 1991. С. 106, рис. 4]). Так, из 160 сосудов керамического комплекса поселения Гилево 8 лишь два декорированы в стиле короткого («жучкового») гребенчатого штампа [Дрябина, Пархимович, 1991. С. 104–105]. Отметим, что, в отличие от коллекции стоянки Сосновый Остров, которая известна археологической общественности в основном из достаточно давней публикации [Викторова, 1968], автор имел возможность подробно ознакомиться с материалами поселения Гилево 8. Просмотр данной серии позволяет подтвердить тезис о полном преобладании на сосудах поселения композиций, выполненных в стиле длинного гребенчатого штампа. По всей вероятности, к числу «длинногребенчатых» сосновоостровских комплексов следует отнести и материалы ряда поселенческих памятников, изученных разведками. В частности, при обследовании древностей Ингальской долины на поселении Грязнуха и в ранних культурных отложениях Старолыбаевского 4 могильника [Волков, Матвеева, 2001] были получены серии неолитической посуды, украшенной в стиле длинного гребенчатого штампа. Однако до проведения стационарных работ на площади данных памятников сказанное не может носить утвердительного характера.

Поскольку орнаментальное своеобразие раннелыбаевских и шапкульских комплексов определяется господством «короткогребенчатой» техники нанесения декора, поселения типа Гилево 8 и Сосновый Остров из числа возможных генетических предшественников рассматриваемых культур также логично исключить.

Вторую группу «сосновоостровских» памятников, как это явствует из ранее рассмотренного материала, составляют поселения типа Дуванского 5 [Стефанов, 1991], ЮАО 18 (VIII пункт) [Зах, Матвеева, 1997] и др. Насколько можно судить по опубликованному иллюстративному материалу, орнаментальное своеобразие данных комплексов определяется крайне широким, более выраженным, чем в ранее рассмотренном случае, использованием «шагающей гребенки»¹⁰. Оставшаяся часть декоративных композиций наносилась преимущественно посредством короткого гребенчатого штампа [Стефанов, 1991. С. 155, рис. 5, 8, 11, 12, рис. 6, 3, рис. 7, 1, 3, 4, 8; Зах, Матвеева, 1997. С. 4, рис. 2, 1, 3, 6–8]. К аналогичным объектам, по всей видимости, следует отнести и материалы нескольких памятников, исследованных разведками. К числу последних можно отнести серию посуды поселений Свиново [Волков, Ведерников, 2001. С. 133, рис. 2, 3, 4, 7] и Оськино Болото [Ткачев, Волков, 2002. С. 19, рис. 2, 1, 3]. Отметим, что прямое сопоставление декоративного стандарта рассматриваемых объектов с раннелыбаевскими и шапкульскими комплексами не является корректным. Тем не менее сходство отдельных элементов декора и ряда законченных композиций сомнений не вызывает. Еще одним косвенным свидетельством, позволяющим связать «шагающе-короткогребенчатые» комплексы эпохи неолита с шапкульскими и раннелыбаевскими, выступает радиоуглеродная датировка, маркирующая хронологическое положение поселения Дуванское 5, — 5295±60 л. н. [Стефанов, 1991]. Приведенная дата неплохо согласуется с раннелыбаевскими — Бузан 3 [Матвеев и др., 1997] и Сазык 9 [Усачева, 2002] и шапкульскими — Чечкино 2 [Зах, 2002].

Подводя краткий итог вышеизложенному, логично заключить, что тезис о существовании в неолите Среднего Зауралья единого, нерасчлененного сосновоостровского массива выглядит преждевременным. Даже выборочно опубликованные материалы так называемых сосновоостровских памятников дают все основания усомниться в данном положении. К сожалению, явная недостаточность опубликованного материала не позволяет в настоящий момент произвести корректную дифференциацию накопленного материала и сделать полномасштабные, обосно-

¹⁰ В этом отношении рассматриваемая группа памятников сближается не только с первой группой «сосновоостровских» объектов (Гилево 8, Сосновый Остров), но и с материалами полуденской культуры. Насколько можно судить по имеющимся материалам, «шагающе-гребенчатые» мотивы характерны для всех неолитических культур Зауралья, использовавших в орнаментальном стандарте гребенчатый штамп. Отметим, что имитация «шагающей гребенки» — «качалка» зачастую фиксируется и на поверхности сосудов «отступающе-прочерченной» козловской культуры. «Шагающая гребенка», вне сомнения, является визитной карточкой зауральского неолита.

Формирование раннеэнеолитических культур Тюменского Притоболья (к постановке проблемы)

ванные выводы. Тем не менее отличия, которые фиксируются, что называется, «на взгляд», позволяют вполне определенно поставить вопрос о культурной неоднородности массива гребенчатых неолитических памятников Среднего Зауралья. Несходство в декоративном своеобразии комплексов типа Гилево 8, с одной стороны, и Дуванского 5 — с другой, настолько же разительно, как и энеолитических стандартов шапкульской культуры и «гребенчатой липчинки». Не претендуя на окончательное решение вопроса, руководствуясь исключительно удобством изложения материала и во избежание терминологической путаницы, будем именовать памятники первой группы «сосновоостровскимим»¹¹, а второй — «дуванскими»¹².

К сожалению, современный уровень изученности материала не позволяет вынести даже обоснованных предположений относительно культурного и хронологического соотношения рассматриваемых комплексов. На первый взгляд собственно «сосновоостровские» памятники (Сосновый Остров, Гилево 8) выглядят более ранними по отношению к дуванской группе. В пользу этого как будто свидетельствует достаточно архаичная каменная индустрия поселения Гилево 8 [Дрябина, Пархимович, 1991]. Однако следует констатировать, что об особенностях орудийного комплекса дуванских памятников мы не имеем практически никаких представлений. В публикации, посвященной материалам поселения Дуванское 5 [Стефанов, 1991], описанию орудийного комплекса практически не уделяется внимания. Поселение ЮАО 18 (VIII пункт, раскопки Н. П. Матвеевой) является многослойным объектом, на площади которого только в эпоху неолита проживали носители «гребенчатой» и боборыкинской линий развития. Вследствие этого вычленение из сложносоставного массива кремневого инвентаря изделий, выполненных носителями гребенчатой орнаментальной традиции, представляется проблематичным. Иными словами, каменная индустрия дуванской группы памятников вполне может оказаться даже более архаичной, нежели характеризующая сосновоостровскую традицию. Таким образом, мы вправе допустить несколько вариантов культурно-хронологического соотношения «сосновоостровских» и «дуванских» древностей. Не исключено, что данные объекты маркируют различные хронологические этапы развития одной археологической культуры. Однако в этом случае не совсем понятным остается вопрос о причинах столь значительного изменения орнаментального стереотипа. Вполне вероятным представляется и предположение о существовании двух самостоятельных линий культурного развития, допускающее их синхронное развитие на определенных этапах. В любом случае окончательное решение вопроса возможно лишь в случае существенного фонда археологических источников, в том числе опубликованных.

Автор склоняется к предположению, что поздний период бытования «дуванских» комплексов должен был прийти и на эпоху финального неолита. К подобному заключению нас заставляет склониться несколько обстоятельств. Во-первых, несомненная близость технических приемов нанесения орнамента с таковыми у раннеэнеолитических шапкульских и лыбаевских древностей. Во-вторых, существенная степень сходства между отдельно взятыми элементами декора и композициями, фиксируемыми на «дуванской» посуде и керамике рассматриваемых энеолитических культур. В-третьих, уже упоминавшаяся радиоуглеродная датировка поселения Дуванское 5.

Возвращаясь к собственно сосновоостровским памятникам, следует констатировать, что их возможное влияние на раннеэнеолитические древности региона проследить гораздо сложнее. В свое время была предложена гипотеза, согласно которой памятники сосновоостровского типа, в нерасчлененном на тот момент времени варианте, послужили основой для формирования гребенчатой составляющей липчинской культуры [Асташкин и др., 1995]. Эта гипотеза являлась достаточно оригинальной и востребованной для своего времени. Тем не менее исследования последующих лет позволили прийти к выводу о практически полном отсутствии памятников липчинского типа в Тюменском Притоболье и более позднем хронологическом положении многочисленных липчинских объектов по отношению к раннелыбаевским и шапкульским [Волков, 2005, 2006]. Отсутствие в шапкульских комплексах группы посуды, декорированной в стиле длинного гребенчатого штампа, является косвенным подтверждением гипотезы о более ранней хронологической позиции памятников типа Сосновый Остров и Гилево 8 по отношению к «дуванским» древностям и прекращении их функционирования до наступления эпохи финального неолита. Однако, обращаясь к материалам раннелыбаевских (бузанских) комплексов, приходится столкнуться с несколько иным положением вещей. Сложносоставной характер рассмат-

¹¹ По эпонимному памятнику культуры.

¹² По наиболее полно опубликованному поселению с «шагающе-короткогребенчатой» манерой орнаментации керамики.

риваемой культуры предопределил синхронное сосуществование в ее рамках трех различных орнаментальных стандартов [Волков, 2002, 2005, 2006], один из которых — «длинногребенчатый» по ряду значимых параметров сопоставим с сосновоостровской манерой нанесения декора. Последнее обстоятельство как будто не исключает вероятности «доживания» сосновоостровских объектов до поздненеолитического времени. Следует, однако, еще раз обратить внимание на незначительную представительность рассматриваемой посуды в лыбаевских коллекциях, относящихся как к раннему, так и к позднему этапу развития культуры. Еще раз подчеркнем, что совокупная доля подобной посуды не превышает 19 % [Волков, 2006].

В процессе рассмотрения данной тематики нельзя обойти и вопрос о происхождении третьего орнаментального стандарта лыбаевских древностей — «отступающе-накольчатого». Обращаясь к материалам предшествующего, неолитического времени, отметим, что подобный технический прием являлся одним из определяющих для носителей кошкинской, боборыкинской и козловской культур (см., например: [Ковалева, 1989]). Значительное распространение отступающе-накольчатая манера орнаментации получила и в полуденской орнаментальной традиции [Там же]. Тем не менее даже беглое сопоставление отступающе-накольчатого комплекса лыбаевской культуры с материалами рассматриваемых традиций заставляет отказаться от мысли о прямой эволюции одной из них в лыбаевский декоративный стандарт. Предположение о миграции новых групп населения, на наш взгляд, также непродуктивно, так как значительных аналогий рассматриваемой посуде на сопредельных территориях проследить не удастся. Более объективным выглядит предположение о том, что отступающе-накольчатый компонент лыбаевской культуры формируется в результате непосредственного взаимодействия носителей двух или более культур, доживших до рубежа эпох неолита — энеолита. Учитывая «запутанную» хронологию неолитического времени, в качестве возможных генетических истоков «отступающе-накольчатого» компонента лыбаевских древностей в настоящий момент можно рассматривать любую из перечисленных выше орнаментальных традиций.

Таким образом, логичным является предположение о формировании шапкульской культуры и «короткогребенчатого» компонента раннелыбаевских (бузанских) древностей на базе памятников типа Дуванское 5, ЮАО 18 (VIII пункт). Однако о прямой эволюции поздненеолитической «гребенчатой» орнаментальной традиции в рассматриваемые комплексы говорить не приходится. Так, на раннем этапе развития энеолитических древностей Тюменского Притоболья из орнаментального стереотипа практически полностью исчезают композиции, выполненные в манере «шагающей гребенки», являвшиеся одним из определяющих компонентов декоративного стандарта «гребенчатых» культур эпохи неолита. При внимательном сопоставлении «дуванских» керамических серий с посудой шапкульского и бузанского типов можно выявить еще ряд несоответствий, выраженных в различиях толщины стенок посуды, несоответствии формовочных масс, специфики орнаментальных композиций, использовании оригинальных технических приемов нанесения декора и др. Вероятно, рассматриваемые различия являются отражением достаточно сложных культурогенетических и, возможно, этнических процессов, происходивших на рубеже финального неолита — энеолита в Тюменском Притоболье.

Как один из наиболее вероятных вариантов следует рассматривать возможность миграции с сопредельных территорий населения, вступившего во взаимодействие с носителями местной орнаментальной традиции. Одним из подобных центров мог являться Южный Урал. В пользу сказанного может служить факт высокой репрезентативности каменных орудий, выполненных из сургучно-зеленой яшмы, на памятниках лыбаевской [Волков, 2006; Волков, Чикунова, 2006] и шапкульской [Старков, 1980] культур. С учетом того, что южно-уральский яшмовый пояс считается традиционным местом происхождения подобного сырья, последнее предположение имеет полное право на существование. Однако следует иметь в виду, что орудия, выполненные из яшмы различных цветов и оттенков, в том числе сургучно-зеленой, в достаточном количестве представлены на ряде неолитических памятников Среднего Зауралья. В качестве одного из примеров можно рассматривать материалы поселения Гилево 8 [Дрябина, Пархимович, 1991]. Более чем вероятно, что изделия, выполненные из сургучно-зеленой яшмы, представлены и на памятниках «дуванской» группы¹³, однако многослойный характер большинства из них не дает возможности однозначной интерпретации кремневого комплекса. Последнее обстоятельство косвенным образом может сви-

¹³ В качестве иллюстрации можно рассматривать материалы поселения ЮАО 18 (VIII пункт) [Зах, Матвеева, 1997], где в рамках эпохи энеолита выделяются «гребенчатый» и боборыкинский комплексы.

Формирование раннеэнеолитических культур Тюменского Притоболья (к постановке проблемы)

детельствовать и в пользу предположения о «прямой» трансформации памятников «дуванского» типа в «короткогребенчатые» серии раннего энеолита либо иллюстрирует устойчивые культурные связи, сложившиеся между Южным и Средним Уралом и Зауральем.

Нельзя исключать возможности миграции в Среднее Зауралье и Притоболье носителей культурных стереотипов западного склона Урала и Поволжья. О вероятности подобного явления применительно к формированию шувакишских древностей говорит Н. М. Чаиркина [2005]. С учетом несомненной культурной близости шапкульских и раннелыбаевских объектов с шувакишскими последнее предположение также имеет право на существование. Значительная деформация «дуванского» орнаментального стереотипа может быть объяснена и взаимодействием его носителей с населением «прочерченно-накольчато-отступающих» комплексов эпохи неолита. Особо следует подчеркнуть, что при всей проблематичности выявления компонента (компонентов), вступившего во взаимодействие с носителями «дуванской» декоративной традиции, логично констатировать, что рубеж финального неолита — раннего энеолита в Среднем Зауралье и Тюменском Притоболье характеризуется сложной культурной обстановкой, нашедшей отражение в непосредственном взаимодействии носителей различных археологических культур. Конечным результатом данных контактов, на наш взгляд, следует считать формирование шапкульской культуры и «короткогребенчатого» компонента лыбаевских древностей.

При рассмотрении проблемы необходимо обратиться и к объяснению специфики культурной ситуации, сложившейся в различных ландшафтных зонах Тюменского Притоболья. Напомним, что в юго-лесных районах региона в раннеэнеолитическое время функционировали шапкульские древности, однородные в орнаментальном плане. Одновременно с ними на пространствах северной лесостепи развивалась лыбаевская культура, включающая три основных орнаментальных стандарта [Волков, 2006]. Даже «беглый» взгляд на лыбаевский керамический комплекс не оставляет сомнений, что в рамках культуры изначально были интегрированы по крайней мере две различные по происхождению группы населения¹⁴. Ответ на поставленный вопрос, по нашему мнению, находится в плоскости палеоэкономической и экологической ситуации в регионе. Автору уже приходилось обращаться к данной тематике, рассматривая особенности природной емкости юго-лесной и северолесостепной полосы Притоболья [2003]. Ландшафтные особенности северной лесостепи определяются относительно ограниченным ареалом произрастания плотных смешанных лесов, являвшихся основным местом сосредоточения запасов промысловой фауны. Изыскания в Ингальской долине, наиболее изученной в археологическом отношении части северной лесостепи, показывают, что абсолютное большинство лыбаевских поселений приурочено к территории плотных смешанных лесов, являющихся «островками» тайги на открытых остепненных пространствах [Волков, 2005]. Специфика системы жизнеобеспечения лыбаевских популяций наглядно иллюстрирует, что, проживая на пространствах лесостепи, они претворяли в жизнь «таежный» путь эксплуатации подконтрольных территорий, основанный на охотничьей доминанте хозяйства [Волков, 2003, 2004]. Ограниченная природная емкость данной ландшафтной зоны предопределяла как численность населения, способную прокормиться здесь, так и баланс, определяющий предельное количество археологических культур, способных на относительно мирное сосуществование [Там же]. Материалы Ингальской долины показывают, что на протяжении эпохи энеолита здесь проживали носители только двух культурных образований. Причем в раннеэнеолитический период лыбаевская культура не имела конкурентов. На последующем этапе меднокаменного века здесь появляются памятники, оставленные андреевскими группами населения. Согласно нашим данным, бесконфликтное сосуществование двух различных в культурном и, вероятно, этническом отношении популяций стало возможным благодаря «разведению» экономических приоритетов. Носители лыбаевской культуры, вероятно, сосредоточились на ведении хозяйства, основанного на охоте при подчиненной роли рыболовства, в то время как население андреевских памятников основной упор сделало на развитие рыбного промысла [Волков, 2004, 2005]. Суммируя сказанное, применительно к ситуации на рубеже финального неолита — энеолита отметим, что именно ограниченная природная емкость северной лесостепи должна была стать основной причиной интеграции носителей нескольких самостоятельных орнаментальных традиций в единую археологическую культуру — лыбаевскую.

¹⁴ Учитывая возможность, что «длинногребенчатая» составляющая орнаментального стандарта возникла как подражание мотивам, выполненным в «прочерченно-отступающе-накольчатом» стиле.

Иная ситуация сложилась в подтаежных и юго-таежных областях Тюменского Притоболья. Богатство рассматриваемых территорий лесными ландшафтами и, как следствие, запасами дикой фауны предопределяло их перспективность для развития различных форм присваивающего хозяйства. Подобные природно-географические условия, по мнению автора, должны были способствовать возможности бесконфликтного сосуществования носителей нескольких культурных традиций [Волков, 2003]. Именно последним обстоятельством, вероятно, объясняется как орнаментальная однородность шапкульских древностей, так и отсутствие потребности интеграции носителей различных орнаментальных стереотипов.

В настоящее время мы не имеем данных относительно возможных современников шапкульской культуры. Вместе с тем фиксация в культурном слое поселений Шапкуль 1 и Малый Барашек 1 отступающе-накольчатой посуды, отличной от липчинской [Старков, 1980], позволяет предполагать единовременное бытование подобных комплексов с шапкульскими. Косвенным подтверждением может служить ситуация, фиксирующаяся на рассматриваемых территориях на последующем этапе энеолитической эпохи. Так, в комплексах развитого и позднего энеолита, объединяемых В. А. Захом в байрыкскую культуру, прослеживается совместное бытование гребенчатой и отступающе-накольчатой орнаментальных традиций [2006]. Нельзя исключать, что причиной интеграции носителей различных орнаментальных традиций стало появление здесь носителей андреевской культуры. Однако данная гипотеза пока фактически не подкреплена.

Следует обратиться также к вопросу о причинах, предопределивших прекращение существования позднеэнеолитических культур и появление новых культурных и орнаментальных традиций эпохи раннего энеолита, генетическая преемственность которых с предшествующим хронологическим периодом прослеживается не всегда отчетливо. Факты, имеющиеся в нашем распоряжении, не позволяют говорить о масштабных и массовых миграциях инокультурного населения, появление которого предопределило начало новых историко-культурных и культурогенетических процессов в регионе.

В заключение отметим, что версия, предложенная автором, по объективным причинам не является окончательно оформленной гипотезой и лишь направлена на поиски конструктивного решения вопроса. Однако полагаем, что наше обращение к «сосновоостровской» теме достаточно объективно проиллюстрировало неоднородность комплексов «гребенчатого» неолита и, следовательно, может послужить точкой отсчета для дальнейшего изучения неолитической проблематики, а также вопросов, связанных со становлением раннеэнеолитических культур региона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Асташкин В. И., Асташкина О. В., Дрябина Л. А.* Энеолитические комплексы поселения Велижаны-1 // Древняя и современная культура народов Западной Сибири. Тюмень: ТюмГУ, 1995. С. 29–38.
- Викторова В. Д.* Сосновый Остров — стоянка эпохи неолита и бронзы Среднего Зауралья // СА. 1968. № 4. С. 161–173.
- Волков Е. Н.* Энеолитический комплекс поселения Двухозерное-1 // ВААЭ. 2002. Вып. 4. С. 57–70.
- Волков Е. Н.* Эколого-экономический аспект в развитии энеолитических древностей Зауралья // Экология древних и современных обществ. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2003. Вып. 2. С. 112–114.
- Волков Е. Н.* О путях освоения Ингальской долины в древности // Археологические микрорайоны Северной Евразии. Омск: ОмГУ, 2004. С. 28–31.
- Волков Е. Н.* Комплекс древних и средневековых памятников Ингальская долина: (Хронология культур, принципы взаимодействия человека и окружающей среды в контексте тематики изучения археологических микрорайонов): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2005. 31 с.
- Волков Е. Н.* Лыбаевские древности лесостепного Притоболья (эпоха энеолита) // ВААЭ. 2006. № 7. С. 22–35.
- Волков Е. Н., Белослудцев А. М.* Новые раскопки поселения Ипкуль-1 // АВ ОВО: Проблемы генезиса культуры. Тюмень: ТюмГУ, 2005. С. 48–60.
- Волков Е. Н., Ведерников П. А.* Материалы к археологической карте Ингальской долины // ВААЭ. 2001. Вып. 3. С. 130–137.
- Волков Е. Н., Матвеева Н. П.* Исследование комплексов каменного и меднокаменного веков в Ингальской долине // Вестн. Тюм. ун-та. 2001. № 1. С. 86–90.
- Волков Е. Н., Чукунова И. Ю.* Энеолитический комплекс поселения Липихинское 5 // ВААЭ. 2006. № 7. С. 36–48.
- Дрябина Л. А., Пархимович С. Ю.* Поселение Гилево-8 // Неолитические памятники Урала. Свердловск: УРО АН СССР, 1991. С. 100–111.

Формирование раннеэнеолитических культур Тюменского Притоболья (к постановке проблемы)

Зах В. А. Боборькинский комплекс поселения Юртобор-3 в Нижнем Притоболье // Древняя и современная культура народов Западной Сибири. Тюмень: ТюмГУ, 1995. С. 12–28.

Зах В. А. Шапкульские комплексы и керамика с гребенчато-ямочным и крупнонакольчатый орнаментом из Нижнего Притоболья // ВААЭ. 2002. Вып. 4. С. 26–36.

Зах В. А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2006. 55 с.

Зах В. А., Матвеева Н. П. Поселение «8-й пункт» на Андреевском озере (о соотношении керамики с различными орнаментальными традициями в неолите Притоболья) // ВААЭ. 1997. Вып. 1. С. 3–8.

Зах В. А., Фомина Е. А. К вопросу о происхождении андреевской культуры // ВААЭ. 1999. Вып. 2. С. 14–21.

Калиева С. С. О зауральской общности энеолитических культур геометрической керамики // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории: Материалы XII Зап.-сиб. археол.-этногр. конф. Томск, 2001. С. 154–156.

Калиева С. С., Логвин В. Н. Скотоводы Тургая в третьем тысячелетии до нашей эры. Кустанай: АН Респ. Казахстан, 1997. 180 с.

Ковалева В. Т. Неолит Среднего Зауралья. Свердловск: УрГУ, 1989. 80 с.

Ковалева В. Т. Энеолит Среднего Зауралья: Андреевская культура. Екатеринбург: УрГУ, 1995. 62 с. (Препр.).

Ковалева В. Т., Зырянова С. Ю. Неолитические культуры Среднего Зауралья: Генезис, соотношение, взаимодействие // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. С. 46–56.

Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 278 с.

Матвеев А. В., Волков Е. Н. Исследование нео- и энеолитических памятников в Ингальской долине в 1998 г. // ВААЭ. 1999. Вып. 2. С. 124–125.

Матвеев А. В., Зах В. А., Волков Е. Н. Исследование энеолитического могильника Бузан-3 в Ингальской долине // ВААЭ. 1997. Вып. 1. С. 156–158.

Матвеева Н. П., Волков Е. Н., Матвеев А. В. Изучение этнокультурных ареалов и материальной культуры неолита и бронзового века в Зауралье // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2005. Вып. 6. С. 118–128.

Матюшин Г. Н. Энеолит Южного Урала. М.: Наука, 1982. 328 с.

Старков В. Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М.: Наука, 1980. 220 с.

Стефанов В. И. Неолитическое поселение Дуванское-5 // Неолитические памятники Урала. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 144–160.

Ткачев А. А., Волков Е. Н. Исследование раннего строительного горизонта поселения Оськино Болото // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2002. Вып. 3. С. 17–23.

Усачева И. В. Стратиграфические позиции неолитических типов керамики поселения «VIII пункт» на Андреевском озере и некоторые общие вопросы неолита Зауралья // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. С. 116–133.

Усачева И. В. Сазык 9 — сезонное поселение эпохи энеолита в Тоболо-Исетском междуречье // Хронология и стратиграфия археологических памятников голоцена Западной Сибири и сопредельных территорий. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2002. С. 103–113.

Шорин А. Ф. О зауральской области ареала лесных энеолитических культур гребенчатой керамики // ВАУ. 1993. Вып. 21. С. 84–93.

Шорин А. Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий: Проблемы культурогенеза. Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 1999. 182 с.

Чаиркина Н. М. Зауральско-Североказахстанская культурно-историческая область эпохи энеолита: (Проблемы энеолита Среднего Зауралья) // Урал. ист. вестн. Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 1997. Вып. 4. С. 26–39.

Чаиркина Н. М. Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 2005. 313 с.

Тюмень, ИПОС СО РАН

The article is devoted to development of early Eneolithic cultures of the Tyumen Low Tobol basin represented by Lybayevo and Shapkul relics. Proceeding from the analysis of ornamental standard of the said cultures, it follows that their development seems to be related with Neolithic decorative traditions based on short comb stamp technique. To solve this question, the author considers a situation formed in the region through the Neolithic. Subject to detailed analysis being "sosnovoostrov" problems. Resulting from this, the author succeeds dividing a mass of the Middle Trans Urals comb sites into two independent cultural groups conventionally called "sosnovoostrov", and "duvan". A broad use of the short comb stamp technique in ornamental standard of the "duvan" series, as well as specificity of other cultural distinctions, made it possible to introduce an idea of the Shapkul and early Lybayevo relics' development on the basis of the considered sites.